

А.И. Деникин

**Поход на Москву. Очерки
русской смуты**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.И. Деникин
А11 Поход на Москву. Очерки русской смуты / А.И. Деникин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 314 с.

ISBN 978-5-519-18921-7

В книге публикуются главы из 5-томного сочинения, издававшегося в Париже, одного из главных руководителей белогвардейщины, ставленника Антанты в годы гражданской войны и военной интервенции в России генерал-лейтенанта царской армии А.И.Деникина.

Автор рассказывает о походе на Москву "вооруженных сил Юга России", которыми он командовал, описывает события и взаимоотношения в стане контрреволюции.

Впервые книга выходила в нашей стране в 1928 г., рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-519-18921-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лебные гимны Деникину и добровольческой армии. В разговорах представителей кругов Особого совещания и ставки все время проводилась мысль о необходимости, как можно скорее распрощаться с казачьими государственными объединениями, переносить резиденцию ставки на север, в Харьков, примерно, и выступить уже на широкой общероссийской арене. Уже давно раздавались протестующие голоса «осважников» по поводу того, что Деникин поторопился признать верховным правителем адмирала Колчака и что эту ошибку немедленно по занятии Москвы нужно исправить»¹.

В таких словах резюмирует настроение осени 1919 года белый журналист Г. Раковский. А вот и другое любопытнейшее свидетельство, исходящее на этот раз от видного деникинского сановника, покойного ныне К. Н. Соколова. В августе месяце шли переговоры с представителями казачьих государственных объединений, на предмет создания Высшего совета особого законосовещательного органа при главнокомандующем. «Когда 30 августа в Таганроге, в разговоре с начальником штаба о проекте Высшего совета, я, между прочим, сказал, что хорошо было бы, если бы совету пришлось иметь всего несколько заседаний до переезда в Москву, генерал Романовский ответил: — «Так оно, вероятно, и будет. Месяц у вас уйдет на переговоры с казаками, месяц на формирование совета, а там вскоре мы и предподнесем вам Москву»². К. Н. Соколов скорбит и недоумевает, как возможны были подобные иллюзии в обстановке гниения и разложения белого тыла. Однако, этот мудрый скепсис является плодом долгих лет горького разочарования. В стройном хоре голосов белой печати, буржуазного тыла и бюрократических лизоблюдов, певших осанну добровольческой армии, не было места для скептически трезвого, но политически неблагоприятного диссонанса. И самый этот скепсис развивался по линии критики принятого метода ведения военных операций. Указывалось на желательность прочного закрепления захваченных территорий, хотя бы ценой

¹ Г. Н. Раковский, «В стане белых», Константинополь, 1920. Стр. 21.

² К. Н. Соколов, «Правление ген. Деникина», София, 1921, стр. 191. См. также Кина, «Деникинщина», стр. 49, 50.

временного приостановления марша на север. Скептичен был Брангель. Но и он стал усваивать мысль о неизбежности зимней кампании только к концу октября. Скептики были не в моде у начальства и планы приостановки наступления были решительно отвергнуты еще в начале осени 1919 года.

III

Напряженности иллюзий соответствовала тяжесть разочарований. Перелом на фронте наступил в октябре месяце. Поражение было катастрофично и бесповоротно. 2 ноября 1919 года в Харькове, в штабе добровольческой армии происходило военное совещание, устроенное по приказанию Деникина. Командовал тогда добровольческой армией генерал Май-Маевский. «Несчастный человек, страдавший недугом запоя, боровшийся, но не поборовший его», как повествует о нем деликатно сам Деникин. Поезд из Таганрога, в котором находился Деникин, опоздал на два часа. На вокзале топтались чины штаба Май-Маевского, поражавшие, как говорит Раковский¹, «общей растерянностью, тревогой и беспокойством, которые были написаны на лицах». На вопрос одного из участников совещания, какова обстановка на фронте, Май-Маевский ответил: «ничего себе, удовлетворительное». Потом началась обычная канитель. На вокзале не было карты. Когда разыскали карту, началось совещание и из докладов присутствующих выяснилось, что: «фронт добровольческой армии сбит и отходит в полном беспорядке». Совещание 2 ноября положило конец иллюзии, начинался великий отход. Деникин сместил Май-Маевского. Но дело было не в Май-Маевском, не в нем и не в каком либо другом генерале. На полях гражданской войны были разбиты не генералы-одиночки, а бывшие командующие классы бывшей российской империи.

¹ Раковский, ук. соч., стр. 29. О Май-Маевском см. любопытную книгу П. В. Макарова «Адъютант генерала Май-Маевского», изд. «Прибой».

Книга Деникина ценна и любопытна не только потому, что в ней дана чисто военная история похода на Москву. Деникин по-своему пытается осознать и продумать политические, социальные причины катастрофы, постигшей его армию. Его метод и его точка зрения сами по себе вряд ли особо интересны. Что мог понять в катаклизме русской революции этот средний штабной офицер, «военный интеллигент», типичный представитель своей касты? Сам он сейчас глубоко разочарован в белом движении. Там, где Деникин начинает философствовать, он становится моральным поучителем. «Великие потрясения», — пишет он, — «не проходят без поражения морального облика народа»¹. Деникину остается утешать себя тем, что он пал в борьбе с «изменными сторонами, тающимися в глубинах человеческой души». Деникин не мог понять и до сих пор не понимает того рабочего, того крестьянина, которого он пытался покорить огнем и мечом своих походов. Революционный подъем масс не может не казаться ему искажением морального облика. Царский офицер, знавший народ как серую скотинку, как безропотное пушечное мясо, как послушный инструмент в руках правящего класса, должен считать адским навождением картину поднимающегося революционного народа, сбрасывающего вековое иго эксплуататоров. Так обстоит дело с пресловутым «моральным обликом».

Деникин полезен и ценен потому, что он невольно рассказывает о «моральном поражении» тех социальных слоев, на которые опиралась его диктатура. Прочтите главы, посвященные тылу, прочтите о «традициях беззакония», прочтите о контр-разведке. Это пишет «сам» диктатор, «царь Антон», как называли его приближенные. Какой еще обвинительный акт нужен после этих

¹ Деникин, «Очерки русской смуты», стр. 276, 276.

страниц самообличения, самобичевания. Ведь и Деникин может быть полезен и ценен, когда он символически повторяет знаменитый жест унтер-офицерской вдовы.

Вопрос о причинах крушения деникинщины недоступен уму самых трезвых, самых «ученых» представителей белого лагеря. П. Н. Милюков в своей новой книге «Россия на переломе» приводит три причины неудачи Деникина. Это — азартная стратегия, «натянутое и даже враждебное отношение к тем крайним образованиям, на территории которых происходила борьба» и, наконец, «более чем ненормальное отношение армии к населению, как всей управляемой территории, так, в частности, и к населению освобождаемых от большевиков частей России»¹. П. Н. Милюкову угодно называть «ненормальными» те «отношения к населению», которые были продиктованы, социологически обусловлены классовой природой деникинской армии и деникинской власти. Индивидуальная особенность южного участка гражданской войны заключается в том, что нигде реставраторские поползновения правящих классов не проявились в таком обнаженно-чистом виде, как здесь, на юге. Лучшее всего эта классовая природа деникинской власти познается в тех главах Деникина, которые посвящены аграрному и рабочему законодательству. Деникинское правительство, признает Милюков, «упустило все случаи высказаться определенно относительно сохранения крестьянского землевладения. И эта нерешительность — не случайная. Недаром Деникин выбирал в вершители крестьянского вопроса людей, заведомо известных защитой интересов прежнего правящего класса»².

Как видно, и сам Милюков додумался до той несложной мысли, что Деникин крепкими приводными ремнями привязан был к крупному буржуазному и полу-феодальному землевладению. Всякие попытки сделать Деникина уступчивым

¹ Милюков, «Россия на переломе», том II, Париж 1927, стр. 197, 198, 204.

² Милюков, «Россия на переломе», том II, стр. 206.

в аграрном вопросе наталкивались на цепкое и упорное сопротивление, как самого Деникина, так и его непосредственного окружения. Когда К. Н. Соколов попробовал заикнуться об этом, уже в декабре 1919 года, Деникин указывал ему, «что нет такой общественной группы, на которую можно бы было опереться при проведении такой прямолинейной и практической политики»¹. Аграрная политика Деникина складывалась под непосредственным влиянием экономически устойчивого помещичьего землевладения юго-западного края. Именно здесь вплоть до войны крупное дворянское землевладение проявило довольно заметную устойчивость. «Прогрессивный» капиталистический характер помещичьего хозяйства обуславливал тесное переплетение помещичьего капитала с банковым и с сахарной промышленностью. Мы отсылаем наших читателей, которые пожелали бы заинтересоваться теми или иными подробностями, к превосходному марксистскому исследованию Д. Кина. «Революция, — пишет Кин, — нанесла решительный удар помещичьему землевладению и «феодалного» и буржуазного типа, и тем самым положение различных групп землевладения в значительной мере уравнилось. Но все же здесь приходится подчеркнуть, что на Украине ликвидация помещичьего землевладения не приняла такого глубокого и разрушительного характера, как это было в Великороссии... Это в немалой мере способствовало устойчивости стремлений и удельному весу крупного землевладения Украины в политике белых на юге»². Интересно отметить, что несмотря на весь видимый консерватизм деникинской политики, направленный на поддержку и реставрацию помещичьих владений, в деникинском тылу находились группы, считавшие принятый курс слишком радикальным.

Особое влияние на аграрную политику оказывал Совет государственного объединения России, группировка чисто помещичьего порядка. Их идеологом выступал царский министр земледелия А. В. Кривошеин. Феодално-помещичьи группы землевладения были вообще против всякого вмеша-

¹ Соколов, ук. соч., стр. 189.

² Д. Кин, «Деникинщина», изд. «Прибой», стр. 84.

тельства власти в аграрный вопрос и признавали совершенно нежелательными попытки деникинщины пойти по стопам столыпинской политики, искусственно насаждавшей в деревне слой крепкой сельскохозяйственной буржуазии. Вот почему они выступали против всякого отчуждения, против всякого выкупа. Как известно, попытки выработки земельного закона, предпринятые деникинскими министрами Колокольцевым и Билимовичем, потерпели неудачу. Проект Билимовича отражал интересы передового капиталистически-плантаторского землевладения, отодвигая на второй план, как феодално-помещичьи группы, так и круги финансовой буржуазии¹, отстраненные по проекту от непосредственного участия в выкупной операции. Так или иначе, но все эти оттенки и прослойки помещичьего класса заостряли свою политику против крестьянства, против одного из основных завоеваний Октябрьской революции, уничтожившей помещичьи землевладения.

Но власть Деникина отражала не только интересы помещиков. Если в первую голову Деникин и опирался на юнкерски-помещичьи элементы, то не менее важную роль, в особенности в эпоху расцвета движения, сыграла в деникинщине «национальная» буржуазия. Эта же «национальная» буржуазия теснейшей сетью интересов сплеталась с иностранным финансовым капиталом, и в первую очередь с империализмом Антанты. Совет государственного объединения России, впитавший в себя цвет русского помещичьего землевладения, сложной сетью отношений связан был с английским финансовым капиталом, вложенным в уральскую и приуральскую горную и горно-заводскую промышленность².

Интервенция Антанты в России была не только делом большой политики, политики сокрушения страны пролетарской диктатуры. Это был для множества Уркартов и иже с ними простой денежный гешефт, средство вернуть капиталы, потерянные в результате Октября.

¹ Подробности см. в ук. соч. Кина, стр. 95 и след.

² Там же, стр. 54.

Итак, Деникину суждено оставаться в неведении подлинных причин крушения белого движения. Но нам этого и не нужно. Книга Деникина сама по себе живой исторический документ, кусок истории гибели российского помещика и российского буржуа. Соотношение классовых сил в стране обусловило конечное поражение буржуазно-помещичьего блока. Но и сам Деникин в своих рассказах, в своих повествованиях подводит нас вплотную к раскрытию этого социологического положения. Особенно характерны в этом отношении страницы, посвященные истории взаимоотношений деникинской власти и так называемых казачьих и национально-государственных образований. Сам «царь Антон» был очень плохим политиком. Но за то он был окружен цветом царской бюрократии, цветом кадетской партии. В бездарной, бессмысленной, с точки зрения белых вождей, казачьей политике повинен не Деникин, не Врангель. Все эти военные и штатские творили волю погибающего буржуазно-помещичьего блока и эта социальная агония политически вырождалась в непрерывную цепь роковых, непоправимых политических ошибок. Характерны также и судьбы мелко-буржуазной, казачьей контр-революции. Кубанская рада разделяет свою судьбу с Уфимской директорией и правительством эсеров в Архангельске. На всем протяжении территории гражданской войны мелкобуржуазная демократия выполняет свою роль с уныло-утомительным однообразием.

Таково, вкратце, историческое и политическое значение труда Деникина. Дополнить надо, что Деникин пользовался большим материалом своего личного архива. Для истории южной контр-революции книга его остается одним из важнейших пособий.

Советским читателем книга эта прочтется с тем живым интересом, какой вызывает у нас все, относящееся к славной и героической эпопее недавних

лет. И внимание читателя будет действительно оправдано тем, что мы находим в «Очерках русской смуты». Надо, конечно, всякий раз оценивать ту перспективу, ту точку зрения, с которой писались очерки. Но в том и заключена ирония истории по отношению к представителям отживших классов, что она заставляет их, вспоминая прошлое, подписывать смертный приговор своему настоящему. Более того, Деникин повествует нам о вчерашнем дне, но вчерашний день белого вождя является днем вчерашних побед Красной армии. И когда Деникин вспоминает о поражениях, мы будем вспоминать о по

Л. К и т а е в

ГЛАВА I.

МОСКОВСКАЯ ДИРЕКТИВА.

К концу июня армии юга России, преследуя разбитого противника, вышли на фронт Царицын — Балашов — Белгород — Екатеринослав — Херсон (исключительно), упираясь прочно своими флангами в Волгу и Днепр.

20 июня в г. Царицыне я отдал армиям директиву:

«... Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Ген. Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний-Новгород, Владимир, Москву.

Теперь же направить отряды для связи с уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Ген. Сидорину правым крылом, до выхода войск ген. Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Н.-Оскол, Елец, Кашира.

3. Ген. Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4. Ген. Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач... и блокировать порт Одессы».

Директива 20 июня, получившая в военных кругах наименование «Московской», потом, в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем югом — населением и армиями. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги.

Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара в кратчайших к центру направлениях — курском и воронежском, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. В психологическом — она ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной, далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «итти на Москву», и всем давалась эта надежда.

Военные операции протекали не без серьезных внутренних тренировок. Малочисленность наших сил и наша вопиющая бедность в технике и снабжении создавали положение вечного недохвата их на всех наших фронтах, во всех армиях. Выведение частей в резерв главнокомандующего наталкивалось, поэтому, на огромные трудности. Каждый командующий придавал преимущественное значение своему фронту. Каждая стратегическая переброска вызывала коллизию интересов, обиды и провоочки. Когда с Северного Кавказа мы двигали на царцынский фронт прочные кубанские части, ген. Эрдели доносил, что это «вызовет восстание горских народов и полный распад всего терского войска...». Ген. Врангель требовал подкреплений из состава Добровольческой армии, «которая, — по его словам, — почти не встречая сопротивления, идет к Москве», а ген. Май-Маевский, не без основания утверждал, что в таком случае ему придется бросить Екатеринослав или обнажить фланговое полтавское направление... Когда первые отряды танков, с трудом вырванные у Добровольческой ар-